

Ю.В. ЛАТОВ,
Г.А. КЛЮЧАРЁВ

Неформальные “правила игры” в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний*

В странах догоняющего развития, включая Россию, производство знаний нередко заменяется производством симулякров знаний: многие учащиеся системы профессионального образования, а также определенная часть соискателей ученых степеней (послевузовское образование) ориентированы на получение не реальных знаний, а дипломов (свидетельств, аттестатов), которые не подкреплены знаниями. В статье показано, что развитие производства симулякров знаний ведет к усилению социально-экономических неравенств и деградации общества практически в любой исторический период. Пример тому – развитие экзаменационной системы в средневековых странах конфуцианской цивилизации.

Ключевые слова: симулякры, брокеры знаний, социальное неравенство, андрагогическое образование, дополнительное профессиональное образование, коррупция, теневые экономические отношения, экзаменационная система, догоняющее развитие.

В октябре 2013 г. в российских СМИ прошло сообщение о нетривиальном решении президента Дагестана Р. Абдулатипова, согласно которому готовилось закрытие более 60 действующих в Дагестане филиалов различных вузов. Причина заключается отнюдь не в том, что дагестанцы больше не нуждаются в высшем образовании. Абдулатипов обосновал свое решение следующим образом: все эти филиалы на самом деле являются “будками по выдаче дипломов”. Поэтому оставить планируется лишь 1/10 от прежнего числа филиалов, а “все остальные должны уйти. Они портят наших детей, мы получаем дипломы, но не специалистов” (см. [Гришин 2013]).

Этот, казалось бы, маленький локально-географический эпизод приоткрывает большую проблему, поскольку таких “будок для выдачи дипломов” немало и в других регионах России (включая столицу). Данный конкретный пример стал частным случаем более общего социально-экономического явления – подмены производства знаний производством их симулякров.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-03-0015а “Непрерывное образование и трансфер наукоемких технологий: модели взаимодействия учреждений образования и науки с предприятиями реального и финансового секторов”.

Латов Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, профессор кафедры национальной и региональной экономики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Адрес: Стремянный пер., д. 36, Москва, 117997. E-mail: latov@mail.ru.

Ключарёв Григорий Артурович – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры, Институт социологии РАН. Адрес: Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218. E-mail: kliucharev@mail.ru.

Знания и симулякры знаний

Симулякр – “копия”, не имеющая аналога в реальности. Изучение симулякров относится в первую очередь к области семиотики – науки о знаках, символах и их соотношении с реальной жизнью. Термин “симулякр” получил с 1980-х гг. широкое распространение благодаря работам Ж. Батая и Ж. Бодрийяра. Принятое в постнеклас-сической науке многомерное понимание реальности (гиперреальность) востребовало симулякры для понимания многих явлений общественной и личной жизни. Основная идея подхода, использующего дефиницию “симулякры”, состоит в том, что некоторые явления и процессы повседневности могут вовсе не иметь объективной первоосновы, а существовать лишь в модусе кажимости, видимости. От этого, впрочем, их значимость не уменьшается. Они имеют реальную цену, оказываются предметом человеческих отношений и живут собственной “жизнью”. В гиперреальном мире появляется онтология симулякров, потребность в которых определяется *модой* на них.

В настоящей статье мы хотели бы разобраться с тем, какую роль играют симулякры в российской системе образования. Толчком к размышлениям стал для нас феномен торговли дипломами, который последние пару десятилетий встречается все чаще. Сначала мы считали, что торговля дипломами об образовании (по сути, фальшивом образовании) есть противоправное действие, которое имеет еще и аморальное измерение и которое наносит прямой экономический ущерб рынку труда. Однако, при более внимательном рассмотрении вопроса, мы увидели, что эта проблема гораздо глубже, чем кажется. Можно заметить, что рынок сортирует симулякры в зависимости от “качества” образования. А может ли иметь качество то, чего не существует? Оказалось, что в реальности действительно существует имитация обучения, а она как вид деятельности уже может быть в той или иной степени качественной (без кавычек).

Согласно законам рынка, чтобы продать товар любого качества, необходимо его красиво “упаковать”, подав покупателю сигнал о привлекательности. Особенно это относится к товарам низкого качества, чья привлекательность сомнительна. В системе имитации образования роль такой “упаковки” играют дипломы и сертификаты, выдаваемые (а точнее – продаваемые) по окончании учебных курсов. По Бодрийяру, спрос на симулякры определяется *модой*. Диплом-симулякр принципиально не меняет характер труда его обладателя. Однако продолжающаяся история с фальшивыми диссертациями и полукриминальными предложениями “качественных” дипломов-аттестатов едва ли не в переходах метро показывает, что мода эта очень устойчива.

В социологическом понимании мода и потребность очень близки. Человек следует моде и в соответствии с этим выражает те или иные потребности в своем повседневном поведении. Многочисленные социологические исследования показали, что образование как таковое имеет очень высокую ценность в массовом сознании. Однако более внимательный анализ, предполагающий разведение понятий *образование*, *образованность* и *свидетельство об образовании*, показывает¹, что в моде важен не сам процесс обучения, а его результат. При этом результат понимается не как обладание определенным набором знаний и навыков (компетенций), а как обладание соответствующим дипломом. Сам же процесс обучения и его длительность в общественном сознании истолковываются вполне прозаически – как времяпрепровождение, пребывание в стенах некоего учебного заведения, куда надо отправляться из дома ежедневно с утра и до определенного часа там “пребывать” (находиться). Опросы учащейся молодежи показывают, что основное ее занятие в учебном заведении – “общение с друзьями” (около двух третей респондентов), то есть социализация, и лишь для оставшейся трети респондентов основное занятие – получение знаний. По меткому замечанию одного нашего коллеги-социолога, учебное заведение (школа, колледж, вуз) часто становится

¹ Из недавних работ этой проблеме посвящено, например, исследование [Андреев 2014].

тем местом, где отсиживается часть молодежи перед тем как “пойти откручивать гайки на ближайшей железнодорожной линии”².

Таким образом, оказывается, что ожидаемый результат посещения учебного заведения (мы сознательно избегаем в этом случае использование термина “учеба”) – не в повышении образованности (качество жизни образованных людей статистически значительно выше среднего, что закономерно вызывает зависть у остального населения), а в документальном подтверждении процесса обучения, которого на самом деле могло и не быть. Для закоренелого студента–“троечника”, даже если он никаких взяток не давал, требуемый диплом становится симулякром, а сам процесс обучения – симуляцией.

В принципе данное явление в той или иной степени наблюдается во всем мире. Однако для систем догоняющего развития оно особенно характерно. Происходит это потому, что здесь образование, наряду с функцией приращения человеческого капитала, выполняет еще одну специфическую функцию. Речь идет о функции приращения такого ресурса, как “социальный капитал”, что выражается в повышении социального престижа. Последний, в свою очередь, легко конвертируется в повышение статусности и рост благосостояния его обладателя, не сопровождаясь увеличением производительности труда человека как работника.

В этих странах, копирующих, как правило, институты более развитых государств, практически всегда на более или менее длительный период в самых разных сферах деятельности возникают “потемкинские деревни”. Стремление если не быть развитыми, то хотя бы казаться ими, приводит к копированию форм без заимствования их содержания. В наиболее ярком виде эта тенденция прослеживается в африканских странах “четвертого мира”: страна может формально иметь конституцию, политические партии, профессиональную бюрократию, но за ними скрываются доминирование неформальных традиций, племенные междоусобицы и институциональная коррупция. Система образования, включая дополнительное (послевузовское) образование, также становится сферой имитаций.

В современной России, в частности, наблюдаются по крайней мере два социальных фактора, определяющих спрос на образование:

1) наличие высшего образования или даже научной степени рассматривается как обязательный атрибут руководителя высокого ранга (или того, кого собираются выдвигать на руководящую должность);

2) наличие диплома о высшем образовании становится желательным и нередко необходимым формальным условием для приема на работу даже на должности, заведомо не требующие высшего образования.

Во всех этих случаях спрос предъявляют, в сущности, не на образование, а на формальные символы знаний (“корочки”). Для удовлетворения именно такого спроса возникает предложение – симуляция реального образовательного процесса. В результате параллельно с институтами *реального* образования, производящими знания, развиваются институты *мнимого* образования, производящие символы несуществующих знаний – *симулякры знаний*.

Сферы производства симулякров знаний

Проблема производства симулякров в российском образовании – в значительной степени “белое пятно”. Это объясняется тем, что здесь наблюдается своего рода “пре-

² В более развернутой форме это тенденция “дефектной социализации молодежи” характеризуется следующим образом: «Российский вуз сегодня — не храм и не место передачи высокой культуры, а рутинное учреждение по натаскиванию студентов для получения “корочек”. Жизнь мыслится молодыми людьми как не зависящий от знаний поток, как то, что не имеет отношения к обезценным, ходульным шаблонам и умениям, выносимым молодежью из вуза. Значительная часть студентов (около 40–45% по разным замерам) уже в вузах знает, что они будут работать по другой специальности и в другой сфере, а это означает снижение потолка запросов и требований как к преподаванию, так и к собственной учебе...» [Гудков, Дубин, Зоркая 2011, с. 14–15].

ступление без жертв”: и те, кто желают получить диплом, не подкрепленный знаниями, и те, кто помогают желающим получить такие дипломы, видят в имитации институтов образования возможность удовлетворить свои потребности.

Ущерб несут “третьи лица” – те, кто не являются ни продавцами, ни покупателями символов несуществующих знаний. Это работники, имеющие равные (или даже более высокие) основания занимать те рабочие места, от которых их оттесняют обладатели симулякров знаний. “Третьими лицами” могут стать и потребители, несущие ущерб из-за того, что производством продукции для них занимаются не те, кто больше знают и умеют, а те, кто приобрели “крутые корочки”. Но если в общеизвестных примерах “преступлений без жертв” (как, например, торговле наркотиками) связь ущерба “третьими лицами” с производством вредных “благ” очевидна, то имитация образования часто не оставляет “улик”.

Сталкиваясь с непрофессионализмом лица с якобы высоким образованием, потребитель не знает, стало ли это результатом недостатков системы образования (“человек учился, но не доучился”) или имитации образования как такового (“человек делал вид, что учился”). О проблеме производства симулякров знаний в системе образования все что-то знают, но точных сведений ни у кого нет. Тем не менее в первом приближении можно выделить две основные сферы этого производства:

- 1) производство мнимых диссертаций в системе послевузовского образования;
- 2) производство мнимых квалификационных работ в системе высшего профессионального образования.

Проблема симуляции диссертационных защит давно уже привлекла внимание как научной общественности (см., например, [Балацкий 2005; Скобликов 2013; Osipian 2012]), так и контролирующих органов. Например, в 2012 г. фонд “Историческая память” обвинил в диссертационном плагиате губернатора Кировской области. В начале 2013 г. произошла скандальная отмена нескольких диссертационных защит (в числе “липовых” диссертантов были, например, глава управы столичного района Замоскворечье и начальник аппарата уполномоченного по правам человека по Астраханской области). В середине того же 2013 г. по “непонятным” причинам губернатор Ивановской области снял с защиты уже принятую диссертационным советом к рассмотрению свою докторскую диссертацию.

Эти и другие факты (в частности, ставшие известными широкой общественности благодаря деятельности сообщества “Диссернет”) привели к тому, что Высшая аттестационная комиссия была вынуждена инициировать обсуждение запрета на защиту диссертации тем, кто находится на государственной службе, подразумевая в первую очередь именно “начальников”. Руководитель ВАКа В. Филиппов справедливо отметил: “...сейчас в обществе есть понимание проблемы, что на защиту диссертаций выходят бизнесмены, которые их просто покупают, и достаточно большое количество чиновников, которые защищают диссертации, потому что им это нужно” [Панов 2013]³. Высказывалась оценка, согласно которой примерно каждая третья или четвертая из защищаемых диссертаций – это заказные работы, написанные по заказу диссертанта сторонними людьми за деньги [Симакин 2006].

В то же время нельзя не отметить, что сообщения СМИ о “липовых” диссертациях “больших начальников” отвлекают внимание от менее сенсационной, но отнюдь не менее важной проблемы “липовых” дипломов нечиновных граждан, имитирующих получение образования в различных видах заочного (дистанционного) или вечернего обучения. Если в получении симулякров диссертационных дипломов заинтересованы в основном представители элиты, то круг заинтересованных в получении симулякров дипломов о высшем и дополнительном профессиональном образовании очень велик.

³ Следует отметить, что скандалы с диссертационным плагиатом у высокопоставленных чиновников бывают даже в развитых странах. В этой связи можно сослаться, например, на скандал с министром обороны Германии в 2012 г., когда уличенный в списывании автор докторской диссертации оказался вынужден отказаться от степени и уйти в отставку.

О масштабах спроса на рынке подобных услуг можно судить по следующим данным. В 2009 г. Левада-Центр в ходе репрезентативного опроса городской молодежи установил, что только 32% тех, кто учатся или учились в вузе, замечал в своих соотарищах по вузу стремление к качественному образованию, зато 56% полагали, что “главное для их коллег – просто получить диплом как таковой” [Дубин 2010, с. 43]. Можно предположить, что среди учащихся системы дополнительного образования, а это, как правило, люди, имеющие жизненный опыт и знакомые с практической полезностью знаний, доля стремящихся получить симулякры знаний будет ниже, чем у учащихся вузов. Однако тезис о практической полезности знаний в современных российских условиях отнюдь не аксиоматичен, и мы вернемся к этому вопросу чуть позже.

Как видят эту ситуацию рядовые граждане, можно узнать, например, из следующей реплики в Интернете по поводу статьи о том, что “коррупция в образовании обесценила российские дипломы”: “Многие фирмы сейчас при приеме на работу требуют ВО [высшее образование], поэтому 80% учится ради корочки, а не ради самого образования и знаний. Все знают, что друзья, знакомые помогут с трудоустройством ребенка, но надо ВО, поэтому их тупо запикивают на заочное отделение какого-нибудь сельскохозяйственного вуза, платят (покупают) оценки, а чадо идет (с гордым видом) работать менеджером и торгует парфюмерией” [Коррупция... 2012].

В Интернете легко можно найти и “бесхитростные” рекламные объявления тех, кто за “умеренную плату” готовы помочь желающим иметь “корочки”, а не знания⁴. Покупка диплома, конечно, далеко не всегда принимает откровенные формы обмена денег на диплом – в конце концов, подделка дипломов – уголовное преступление. Гораздо чаще наблюдаются более “мягкие” формы этого явления.

Те потребители, которые хотят получить, прежде всего, документ об образовании, а не реальные знания и профессиональные навыки, образуют особый сегмент на рынке образовательных услуг. На обслуживание именно этого сегмента работают образовательные центры с простоудушно-завлекательными названиями типа “Карьера...” или “Образование...”. Эти центры сочетают дешевизну услуг с их низким качеством: учебные программы неадекватны заявленному содержанию, аттестация по окончании курса формальна (то есть глубина и качество усвоенного материала не контролируются). Интересно, что дешевыми услугами подобных производителей симулякров пользуются не только работники-“корочкоискатели”, но и “скупые работодатели”, у которых есть потребность или желание организовать “повышение квалификации” своему персоналу [Галицкий, Левин 2005].

Относительное безразличие работодателей к реальному содержанию образования их работников может в принципе иметь рациональный смысл. В современной литературе о проблемах профессионального образования отмечается, что очень часто “работодатель никаких особых знаний от работника не требует”. От него требуются “не знания, а способность их усвоить”, поскольку прикладные знания “работодатель предоставит работнику сам, посредством системы внутрифирменного обучения” [Ду-

⁴ Вот один из ярких примеров подобного рода: “Вам очень хочется получить диплом бакалавра, а вот со временем туговато, от 4 до 6 лет тратить на учебу не совсем хочется, а без диплома хорошую работу не получишь. Многие сейчас покупают дипломы, но некоторые не очень качественно сделаны, у нас все делается на высшем уровне. Наши специалисты делают все, как положено, с мокрой печатью и оформлением всего необходимого. В наше время молодым людям не стоит тратить время на просиживание пар, на изучение кип учебников, сдачу экзаменов и зачетов, их пересдачу, трату нервов, преодоление все препятствия, которые настроили бюрократы, а лучше проведите это время с пользой для себя, потратьте время на прогулки и друзей. За учебное время вы потратите в 3–5 раз больше средств, чем при покупке готового диплома. И если купите диплом у нас, то вы будете довольны качеством и стоимостью, да и сроки его получения вас приятно удивят. Если вам нужно строить карьеру, то лучше не упускайте этот шанс. Купив диплом бакалавра, вы сэкономите время, деньги, нервы и получите возможность идти по карьерной лестнице вверх, уже сейчас, а не тогда, когда вам скажут, что вы уже вышли с возраста, когда можно начинать карьеру”. Это объявление на главной странице сервера с красноречиво-завлекающим названием “Настоящие дипломы” (http://www.diplom-original.com/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=7).

бин, Гудков, Левинсон, Леонова, Стучевская 2004, с. 30]. Однако замена со стороны работодателя спроса на знания “спросом на образованность” не отменяет проблемы симулякров. Только тогда надо вести речь скорее о симулякрах навыков получения знаний, чем о симулякрах знаний как таковых.

Приобретение символов знаний без самих знаний всегда связано с коррупцией в тех или иных формах. Представителям элиты престижные “корочки” могут давать “из уважения”⁵, в то время как представители неэлитных групп за не подтвержденные реальными знаниями “корочки” обычно вынуждены платить. Во время общероссийского социологического опроса по репрезентативной выборке, организованного Фондом “Общественное мнение”, было обнаружено, в частности, что коррупционные расходы москвичей в институтах и на курсах повышения квалификации для взрослых в 2003/2004 учебном году составляли 60% от общих расходов семей на данный вид образования – это самый высокий уровень коррупционной составляющей по всем видам образования [Галицкий, Левин 2005, с. 310].

На курсах профессиональной подготовки, переподготовки и в бизнес-школах уровень коррупционных расходов у немосквичей тоже оказался довольно высоким – примерно 30% от общих расходов семей на данный вид образования. На основе этих оценок авторы исследования сделали правомерный вывод: “...данные показывают, что практика покупок свидетельств о прохождении переподготовки, о которой приходится слышать время от времени, действительно широко распространена” [Галицкий, Левин 2005, с. 311]. Парадокс в том, что при оплате работы учебных центров, производящих симулякры знаний, коррупционными расходами фактически становится абсолютно легальная плата за обучение (которого на самом деле не было).

Социальные последствия производства симулякров знаний

Система непрерывного образования, работающая на производство знаний, может в принципе как усиливать социальное неравенство (при нарушении эгалитарных принципов доступа к образованию), так и ослаблять его (при соблюдении этих принципов). Выполнение системой непрерывного образования функции обеспечения элиты символами знаний работает *только* на усиление социальной дифференциации независимо от того, платным или бесплатным является процесс обеспечения “начальников” символическими благами. Получение неэлитными учащимися символов знаний, не подкрепленных знаниями, тоже будет работать на рост социального неравенства.

Конечно, размер “нормальных” взяток преподавателям обычно не запретительно высок даже для небогатых учащихся. Однако когда владельцы суррогатных дипломов начнут работать, то не смогут подкрепить свой диплом более высокой производительностью и вряд ли добьются высокой оплаты. Самое главное, широкое распространение “покупки” дипломов ведет к их девальвации. В результате этого отрицательного экстернального эффекта те люди, чьи дипломы соответствуют их знаниям, будут вынуждены уменьшить уровень своих притязаний. В частности, опрос российских работодателей в середине 2000-х гг. зафиксировал, что “уровень образования занимает последнее место среди характеристик, учитываемых при приеме на работу: в качестве главного достоинства нанимаемого его указали лишь 15% респондентов” [Требования... 2006 с. 60]. В любом случае подмена производства знаний производством их симулякров ведет к падению экономической эффективности⁶.

⁵ Не касаясь свежих примеров диссертационных защит представителей постсоветских элит, сошлемся лишь на исторический казус: последняя российская императрица Александра Федоровна, будучи еще принцессой Алисой, посещала лекции в Гейдельбергском университете, где получила диплом бакалавра философии; ее последующая судьба (в частности, аномальное увлечение мистицизмом) убедительно показывает, что супруга Николая II получила скорее симулякр философских знаний, чем реальные знания.

⁶ Это проявляется не только в торможении роста производительности труда, но и во “взяточобучении” [Галицкий 2008].

Дифференциация учащихся по социальному статусу и целям образования

Социальный статус	Цели образования	
	Мотивация получения знаний (“искатели знаний”)	Мотивация получения симулякров знаний (“корочкоискатели”)
Представители элиты	“Образцовые джентльмены”	“Золотая молодежь” и “большие начальники”
Представители неэлиты	“Способные выскочки”	“Бездарные проходимцы”

Производство знаний/навыков и производство симулякров знаний соотносятся как официальная и теневая (коррупционная) деятельность образовательной системы⁷. Сосуществование двух данных видов деятельности в системах догоняющего и дополнительного образования не может не деформировать систему образования как таковую. Преподаватели, вовлеченные в процесс производства симулякров, привыкают симулировать учебный процесс, постепенно теряя способность передавать знания и навыки тем учащимся, которые хотят их получить.

Таким образом, анализ взаимовлияния систем образования для взрослых и социальной дифференциации в современной России должен обязательно учитывать, в каких пропорциях в этих системах присутствуют четыре группы учащихся (см. табл.) с разным социальным статусом и с различной мотивацией. С некоторой долей условности можно выделить четыре качественно различные группы учащихся:

– “образцовые джентльмены” – представители элиты, ориентированные на получение глубоких знаний; становясь высококвалифицированными специалистами, они выступают как “столпы общества”;

– “способные выскочки” – выходцы из неэлитных слоев, мотивированные на получение знаний, поскольку считают карьеру высококвалифицированного специалиста главным способом “выбиться в люди”;

– “золотая молодежь” и “большие начальники” – представители элиты, которые убеждены в возможности добиться жизненного успеха без особых знаний (за счет личных связей и/или унаследованного богатства), а потому ориентированные на получение симулякров знаний;

– “бездарные проходимцы” – выходцы из неэлитных слоев, планирующие делать карьеру не за счет знаний, а иными методами (личной преданности, “подсидивания” коллег, сексуальных связей и т.д.), и потому нуждающиеся в симулякрах знаний как “пропуске” в нужную им социальную среду.

В идеальном информационном/постиндустриальном обществе категории учащихся, ориентированных на получение симулякров знаний, должны отсутствовать “как класс”. При этом соотношение категорий “образцовых джентльменов” и “способных выскочек” должно быть для догоняющего образования значительно ниже, чем соотношение элитных и неэлитных групп в населении (поскольку догоняющее образование предназначено прежде всего для помощи социально приниженным слоям), а для дополнительного образования – примерно равным соотношению элитных и неэлитных социальных групп. Если же мотивация на получение знаний уступает мотивации на получение их симулякров, то общество обречено на застой.

⁷ Об этих аспектах коррупции в системе высшего образования см. прежде всего работы украинского специалиста по экономике образования А. Осипяна [Осипян 2007; Осипян 2010].

Исторический опыт подмены производства знаний производством симулякров знаний

История знает длительный опыт активного использования системы образования для взрослых в качестве одного из основных механизмов комплектации государственной элиты. Речь идет об экзаменационной системе в средневековых странах конфуцианского региона (Китай, Корея, Вьетнам, раннесредневековая Япония). Именно в Китае почти полторы тысячи лет назад, в начале VII в., была изобретена система государственных экзаменов (“кэцзюй”) – проверки нормативных знаний⁸. Экзамены имели три уровня (уездные – провинциальные – столичные) и проводились через каждые три года. Чем выше был уровень экзаменов, тем сложнее, так что экзамены первого уровня приходили сдавать сотни тысяч, но экзамены высшего уровня успешно сдавали лишь несколько сотен или даже десятков человек. Прохождение экзаменов на завершающем этапе становилось “пропуском” в ряды элиты государственных чиновников (об императорских экзаменах в Китае см. [Боревская 2005; Сидихменов 2000, с. 427–433]). К этим экзаменам готовились годами или даже десятилетиями, поэтому экзаменуемые были уже взрослыми людьми – экзамен на получение первой степени (на уездном уровне) обычно сдавали к 30 годам⁹.

Образованность (а не знатность и воинская доблесть, как в Европе) считалась в средневековых конфуцианских странах главным фактором социальной стратификации и пользовалась настолько высоким уважением, что эти страны можно назвать самым ранним примером “общества знаний”. Поскольку к экзаменам допускали в принципе любого, независимо от социального происхождения, то данная система, казалось бы, должна была обеспечить меритократию (буквально – “власть достойных”) и эффективное государственное развитие. Именно поэтому китайский общественный строй вызывал на первых порах сильный восторг европейских мыслителей-просветителей, который затем сменился не менее сильным разочарованием. Дело в том, что хотя подготовка к экзаменам требовала в Китае очень больших затрат сил и времени, однако типичная для восточных стран коррупция позволяла представителям элиты обходить суровые правила, да и знания тех, кто подчинялись этим правилам, оставляли желать лучшего.

Известно, в частности, что обман на экзаменах стал в позднесредневековом Китае весьма распространенным явлением. Экзаменуемые старались тайком принести в экзаменационные павильоны “конспекты” или вообще послать вместо себя нанятого интеллектуала. Появилась даже китайская пословица: “Чтобы выдержать экзамен, нужно обладать резвостью скакуна, упрямством осла, неразборчивостью вши, выносливостью верблюда”. Чтобы уличить соискателей, которые отличались главным образом “неразборчивостью вши”, организаторы экзаменов тщательно обыскивали их в поисках “шпаргалок”. Вместе с тем коррупция экзаменационной системы приобрела в позднее Средневековье такие масштабы, что в середине XVII в. в Китае даже прошли судебные процессы по этому поводу. Конечно, коррупция экзаменационной системы разрушала ее эгалитаризм, поскольку богатые соискатели заведомо имели более высокие возможности для подкупа.

Другой негативной стороной китайской экзаменационной системы было очень консервативное содержание “экзаменационных дисциплин”: оно хотя и тренировало память, но не имело никакого отношения к практической деятельности. Самым важным элементом государственного экзамена постепенно стало написание сочинения по

⁸ Считается, что классическая экзаменационная система Китая функционировала с перерывами с 605 г. до 1905 г. Первые элементы этой системы появились еще в эпоху Древнего мира – уже в 165 г. до н.э. кандидаты на должности государственных служащих вызывались императором в столицу для прохождения теста на моральные качества.

⁹ Хрестоматийный пример – жизнь знаменитого китайского писателя рубежа XVII–XVIII вв. Пу Сунлина, который много раз “проваливал” экзамены и смог получить низшее чиновничье звание лишь незадолго до смерти, сдав экзамены в возрасте 89 (!) лет. Еще более известный китайский писатель XVI в. У Чэньэнь, автор классического “Путешествия на Запад”, на протяжении жизни три раза сдавал, но так и не смог сдать императорский экзамен.

классической конфуцианской литературе, требующее заучивания наизусть больших объемов текста. Экзаменационная система отбраковывала неординарных людей, помогая делать карьеру в первую очередь начетчикам и конформистам. Те, кто стремились делать карьеру, хорошо понимали существенный разрыв между экзаменационными требованиями и практическими навыками чиновника, а потому имели сильный стимул к оппортунистическому поведению на экзаменах.

Таким образом, в конфуцианской экзаменационной системе (особенно, в поздний период) учащиеся, ориентированные на получение симулякров знаний, доминировали над стремящимися к реальным знаниям. В результате в новое время китайская экзаменационная система функционировала уже не столько как социальный лифт, сколько как самовоспроизводство малоэффективной бюрократии, медленно и лишь частично обновляемой выходцами из нечиновных, но состоятельных социальных слоев. Меритократическая “империя ученых” превратилась в царство коррумпированных бюрократов, лучшие из которых плохо знали географию и еще хуже математику, зато могли умно рассуждать о литературе двухтысячелетней давности, худшие же не могли даже этого. Застой в сфере образования стал одним из факторов застоя китайского общества в целом, и страна превратилась в XIX в. в полуколонию европейских держав.

Печальный опыт конфуцианской цивилизации демонстрирует те опасности, которые и в современную эпоху актуальны для стран догоняющего развития (включая Россию). Повышение престижа знаний обязательно должно сопровождаться их практической направленностью и соблюдением эгалитарных норм в доступе к их получению, в противном случае результат от развития системы образования будет скорее отрицательным, чем положительным.

Перспективы симулякризации образования

В заключение попробуем спрогнозировать некоторые будущие тенденции развития в России производства симулякров образования. Прежде всего следует обратить внимание на перепополнение рынка образовательных услуг большим количеством случайных игроков, которые готовы вложить относительно небольшие суммы в образовательный интернет-проект. Подобно тому, как сейчас во многих вузах вошло в моду получение диплома по второй специальности, можно спрогнозировать, что вскоре точно так же войдет в моду коллекционирование дипломов. Человек, имеющий пять дипломов, будет ощущать себя успешнее, чем тот, у которого их пока только три. За примерами далеко ходить не надо: сейчас в России наблюдается мода на кандидатские и докторские дипломы среди людей, не имеющих к науке никакого отношения.

Развитие дистанционных (через Интернет) форм образования может стать катализатором этого процесса. Поскольку в случае интернет-образования спрос определяется самими студентами и взрослыми учащимися, то государство вряд ли сможет эффективно контролировать этот процесс¹⁰. Лицензирование и аккредитация – единственные формы государственного контроля в сфере образования – имеют очень ограниченную область применения, а в рыночных условиях почти не работают, поскольку здесь включаются экономические факторы. В качестве примера можно обратить внимание на корпоративное образование, где содержание программ определяет исключительно работодатель, исходя из своих потребностей и особенностей профессиональной деятельности.

Таким образом, есть реальная опасность появления “избыточной квалификации” в социально-значимых (в негативном смысле) размерах. Это значит, что либо рынок труда не сможет обеспечить владельцев всех этих дипломов соответствующими их квалификации рабочими местами, либо обладатели “лишних” дипломов просто станут слишком дорогими для работодателей.

Данная ситуация имеет прямое отношение к проводимой кампании по закрытию “неэффективных” вузов. По сути, речь идет о снижении накала конкурентной борьбы

¹⁰ Сейчас, например, в России работодатель может в соответствии с законом признавать диплом о дополнительном образовании, если продолжительность курса составила не менее 72 часов.

в сфере образовательных проектов. Действительно, несколько сотен небольших вузов, арендующих площади и располагающих небольшим штатом преподавателей, значительная часть которых – совместители (в том числе, без ученых степеней и званий), довольно эффективно конкурируют с крупными государственными вузами на рынке дешевых образовательных услуг. Обучение в таком вузе по первой специальности стоит от пяти тысяч руб. в месяц, вторая специальность “продается” еще дешевле. В этих условиях борьба за студентов достигла своего апогея, когда всякий ректор думает только об одном – как обеспечить набор на следующий учебный год.

Эти “неэффективные”, а по сути – малозатратные (дешевые) вузы, которых пытаются устранить более сильные конкуренты, вынуждены искать новые формы и, отчасти потому что у них нет своих площадей, развивать именно дистанционное образование. Такие малые вузы (не все, конечно, но самые предприимчивые) могут стать пионерами дистанционного образования, если будут использовать уже разработанные курсы известных профессоров. Пока у нас крупные университеты еще не установили копирайт на программы ведущих профессоров, последние могут поставить свое имя под любой из программ дистанционного образования, получить свой разовый (но “хороший”) гонорар и оставить программу для использования такому “неэффективному” университету. Экономическая отдача от подобных проектов, можно не сомневаться, будет достаточно высокой.

Очевидно, что организованное так массовое (доступное в широких масштабах за символическую плату) образование принципиально не может быть высокого качества. Тем не менее оно станет предметом купли-продажи, поскольку именно на такое образование есть как спрос, так и предложение.

Массовизация симулякров образования есть одна из проекций имитации модернизации общества в целом. Спрос на симулякры будет сокращаться, только если производству будут действительно нужны креативные и знающие специалисты, а не просто исполнительные работники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л. (2014) Образование и образованность в социальной истории России. М.: ВГИК.
- Балацкий Е.В. (2005) “Диссертационная ловушка” // Свободная мысль – XXI. № 2. С. 92–104.
- Боревская Н.Е. (2005) Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. № 10. С. 78–90.
- Галицкий Е.Б. (2008) Взяткообучение и его социальные последствия // Вопросы образования. № 3. С. 105–118.
- Галицкий Е.Б., Левин М.И. (2005) Затраты домохозяйств на образование детей и взрослых (По результатам третьей волны мониторинга “Экономика образования”) // Вопросы образования. № 2. С. 297–313.
- Гришин А. (2013) В Дагестане прикроют “будки для выдачи дипломов” // Комсомольская правда. 26 октября.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (2011) Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований.
- Дубин Б. (2010) Качество или диплом? // Pro et Contra. № 3 (49). С. 55–67.
- Дубин Б.В., Гудков Л.Д., Левинсон А.Г., Леонова А.С., Стучевская О.И. (2004) Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России. М.: Независимый институт социальной политики.
- “Коррупция в образовании обесценила российские дипломы” (2012) (<http://newsland.com/news/detail/id/439610/>).
- Осипян А. (2007) Коррупция в высшем образовании: США, Россия, Великобритания // MPRA Paper 20215. University Library of Munich (http://mpra.ub.uni-muenchen.de/20215/1/MPRA_paper_20215.pdf).
- Осипян А.Л. (2010) Коррупция в последипломном образовании // Terra Economicus. Т. 8. № 3. С. 48–63 (<http://eecsocman.hse.ru/data/2010/11/27/1214821716/journal8.3-6.pdf>).

Панов П. (2013) ВАК и Минобрнауки закроют чиновникам и депутатам путь в доктора // Известия. 20 февраля (<http://izvestia.ru/news/545241>).

Сидихменов В.Я. (2000) Китай: страницы прошлого. Смоленск: Русич.

Симакин Д. (2006) Доктора невидимого фронта. Почти треть защищенных в последние годы диссертаций написана за деньги // Независимая газета. 24 марта (<http://maxpark.com/community/4057/content/1393144>).

Скобляков П.А. (2013) Бизнес на диссертациях в терминах и понятиях // Криминология. № 1. С. 65–75.

Требования работодателей к системе профессионального образования (2006). Под ред. Т.Л. Клячко, Г.А. Красновой. М.: МАКС Пресс.

Osipian A. (2012) Economics of Corruption in Doctoral Education: the Dissertations Market // Economics of Education Review. Vol. 31. Issue 1. P. 76–83.

Non-formal “rules of game” in education: simulation activities, simulacra and knowledge brokers

*J. LATOV**, *G. KLYUCHARYOV***

* **Latov Jurii** – professor, chair of national and regional economics, G.V. Plekhanov Russian Economics University. Address: 36, Stremyannoi per., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: latov@mail.ru.

** **Klyucharyov Grigory** – professor and director of the Centre of Sociology of Education, Science and Culture, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Address: 24/35, hous. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: kliucharev@mail.ru.

Abstract

In the countries of the catching-up development, including Russia, production of knowledge is quite often replaced by production of simulacra of knowledge. Many scholars of systems of vocational education as well as some number of academic degrees seekers are focused on receiving not real knowledge, but diplomas (certificates) which aren't supported with sufficient knowledge and skills. Two main spheres of simulacra production are located in higher and postgraduate education. Development of production of simulacra of knowledge conducts to strengthening of social and economics inequalities and leads to gradual degradation at first education systems, and then and societies as a whole. The wide circulation of “purchase” of diplomas conducts to their devaluation: those people, whose diplomas correspond to their knowledge, are compelled to reduce the claims. It is shown in the article that development of production of simulacra of knowledge conducts to strengthening of social and economics inequalities and degradation of society, which is true for any historical period.

Example of degradation of society under the influence of replacement of production of knowledge with production of simulacra of knowledge is development of examination system in the medieval countries of a Confucian civilization. The Chinese examination system at first functioned as the effective social elevator, but by modern times degenerated in system of self-reproduction of bureaucracy, slowly and partially updated by natives of well-founded social groups.

Keywords: simulacra, knowledge brokers, social inequality, andragogy education, additional vocational education, corruption, the shadow economic relations, examination system, catching up development.

REFERENCES

Andreev A.L. (2014) *Obrazovanie i obrazovannost' v social'noj istorii Rossii*. [Education and competence in social history of Russia] Moscow: VGIK.

- Balackij E.V. (2005) "Dissertacionnaja lovushka" [The dissertation catch up]. *Svobodnaja mysl'*–XXI, no. 2, pp. 92–104.
- Borevskaja N.E. (2005) Sistema imperatorskih jekzamenov v Kitaj [Borevskaya N.E. System of emperor's exams in China]. *Pedagogika*, no. 10, pp. 78–90.
- Dubin B. (2010) Kachestvo ili diplom? [Quality or Diploma ?] // *Pro et Contra*, no. 3, pp. 32–51.
- Dubin B.V., Gudkov L.D., Levinson A.G., Leonova A.S., Stuchevskaja O.I. (2004) Dostupnost' vysshego obrazovanija: social'nye i institucional'nye aspekty [Accessibility of higher education: social and institutional aspects]. *Dostupnost' vysshego obrazovanija v Rossii*. [Accessibility of Higher Education]. Moscow: Nezavisimyj institut social'noj politiki.
- Galickij E.B. (2008) Vzjatkoobuchenie i ego social'nye posledstvija [Corrupted education and its social consequences] // *Voprosy obrazovanija*, no. 3, pp. 105–118.
- Galickij E.B., Levin M.I. (2005) Zatraty domohozhajstv na obrazovanie detej i vzroslyh (Po rezul'tatam tret'ej volny monitoringa "Jekonomika obrazovanija") [Household's spendings on education of children and adults] // *Voprosy obrazovanija*, no. 2, pp. 5–19.
- Grishin A. (2013) V Dagestane prikrojut "budki dlja vydachi diplomov" [They close the street kiosks for sale diplomas in Dagestan] // *Komsomol'skaja pravda*. 26 oktjabrja.
- Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaja N.A. (2011) Molodezh' Rossii [The Youth of Russia]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij.
- "Korrupcija v obrazovanii obesecnila rossijskie diplomy" [Corruption in education disvalued Russian diplomas] (2012) (<http://newsland.com/news/detail/id/439610/>).
- Osipian A. (2012) Economics of corruption in doctoral education: the dissertations market. *Economics of Education Review*, vol. 31, is. 1, pp. 76–83.
- Osipjan A.L. (2010) Korrupcija v poslediplomnom obrazovanii [Corruption in post-diploma education] // *Terra Economicus*, no. 8(3), pp. 48–63.
- Osipjan A. (2007) Korrupcija v vysshem obrazovanii: SShA, Rossija, Velikobritanija [Corruption in Higher Education: US, Russia, UK]. *MPRA Paper 20215*. University Library of Munich (http://mpa.ub.uni-muenchen.de/20215/1/MPRA_paper_20215.pdf).
- Panov P. (2013) VAK i Minobrnauki zakrojut chinovnikam i deputatam put' v doktora [Ministry of education closing the way to doctoral degrees for bureaucrats and deputies] // *Izvestija*. 20 fevralja (<http://izvestia.ru/news/545241>).
- Sidihmenov V.Ja. (2000) Kitaj: strany proshlogo [China: the pages of the passed away years]. Smolensk: Rusich.
- Simakin D. (2006) Doktora nevidimogo fronta. Pochti tret' zashhishhennyh v poslednie gody dissertacij napisana za den'gi [Doctors of invisible frontiers. Almost one-third dissertations are written for money] // *Nezavisimaja gazeta*. 24 marta.
- Skoblikov P.A. (2013) Biznes na dissertacijah v terminah i ponjatijah [Dissertations business in terms and notions] // *Kriminologija*, no. 1, pp. 65–75.
- Trebovanija rabotodatelej k sisteme professional'no go obrazovanija* [Request of employers to the system of vocational education] (2006). Pod red. T.L. Klyachko, G.A. Krasnoj. Moscow: MAKSPress.